

29. Участие анархистов в правительстве Ларго Кабальеро

Возможно, наиболее резко отход анархистов от их традиционной философии и практики во время Гражданской войны проявился в их участии в кабинете премьер-министра Франсиско Ларго Кабальеро с ноября 1936 г. по май 1937 г. Когда обсуждалось их участие в Хенералидаде Каталонии, они ещё пытались прикрыться фиговым листком, переименовав региональный кабинет в совет и тем самым смутно дав понять, что он является продолжением Центрального совета милиции. Однако в случае участия анархистов в республиканском правительстве не было даже такой оговорки. Четыре ведущих представителя НКТ стали министрами в кабинете Ларго Кабальеро.

Правильность решения о вступлении в республиканское правительство уже тогда обсуждалась в рядах анархистов, хотя представляется очевидным, что большинство рядовых членов поддерживало данную идею. И это оставалось предметом споров не одного поколения анархистов после того, как опыт подошёл к концу.

Переговоры о вхождении анархистов в республиканское правительство

С того момента, как Франсиско Ларго Кабальеро, лидер левого крыла Социалистической партии и глава Всеобщего союза трудящихся, занял должность премьер-министра 4 сентября 1936 г., он ясно давал понять, что желает включить Национальную конфедерацию труда в свой кабинет. Однако потребовалось два месяца переговоров, прежде чем это произошло.

По-видимому, первым открытым указанием на то, что анархисты готовы в той или иной форме участвовать в республиканском правительстве, была статья в «Рабочей солидарности» от 28 августа. Она призывала к созданию национального Центрального комитета антифашистской милиции, по образцу каталонского, в котором была бы представлена и НКТ.

В это время уже предпринимались шаги по отстранению правительства Хосе Хираля, находившегося на должности премьер-министра с 20 июля. Национальный комитет НКТ и

Исполнительная комиссия ВСТ провели встречу и решили, что Хиралья необходимо сместить, при этом обсуждалось, очевидно без каких-либо окончательных решений, участие НКТ в новом кабинете¹.

Новым премьером был избран Ларго Кабальеро. По его собственному свидетельству, его кандидатуру в первую очередь поддерживали ВСТ, НКТ и коммунисты, тогда как республиканские партии (и, по-видимому, правые социалисты) склонялись в пользу Индалесио Прието, его главного соперника внутри Социалистической партии.

Ларго Кабальеро говорит: «Я принял это поручение, осознавая всю его сложность, но с условием, что у правительства не будет какой-либо единой политической ориентации и что в нём будут представлены элементы, сражающиеся на фронтах за Республику, без предубеждения к какой бы то ни было политической или общественной тенденции»². Тогда он предложил НКТ одно место в кабинете без какого-либо определённого портфеля. Хотя Национальный комитет НКТ вначале дал согласие и выдвинул кандидатуру Антонио Морено Толедо, исполняющий обязанности национального секретаря Давид Антона настоял на том, чтобы этот вопрос был передан на решение пленума региональных организаций НКТ³.

Пленум НКТ прошёл в Мадриде 3 сентября. Согласно Сесару Лоренсо, предложение об одном министре без портфеля было «в корне отвергнуто» пленумом:

“ «Принцип участия был одобрен... и наконец, на данный момент, НКТ ограничилась тем, что представила публике проект изменения структуры правительства и государства. Принятая резолюция имела три основных пункта: 1. Полная поддержка нового правительства со стороны НКТ; 2. Создание в каждом министерстве вспомогательной комиссии, состоящей из представителей НКТ, ВСТ, Народного фронта и делегата правительства; 3. Невмешательство государства в дела предприятий, коллективизированных рабочими»⁴.

Правительство Ларго Кабальеро приступило к исполнению обязанностей 4 сентября, и на следующий день Антонио Морено, Федерика Монсень и ещё один представитель НКТ передали резолюцию пленума новому премьеру, который пообещал рассмотреть её и обсудить с партиями Народного фронта. 8 сентября он сообщил Давиду Антоне, что предложения НКТ были отклонены⁵.

Тем временем национальный секретарь НКТ Орасио Прието вернулся из Страны Басков, где его застигло начало войны. Он встретился с группой лидеров НКТ из Леванта и, в ходе подготовки к следующему пленуму регионалов, проведение которого намечалось в Мадриде 15 сентября, составил документ для рассмотрения. По словам Сесара Лоренсо, его отец Орасио Прието был основным автором внесённой резолюции, которая «содержала целую политическую программу, включая милитаризацию милиции, объединение командования, судебную реформу, международные отношения и т.п. Но прежде всего, она предусматривала создание Национального совета экономики, состоящего из представителей НКТ и ВСТ и планирующего производство в соответствии с принципами демократии»⁶.

Однако документ, принятый на пленуме 15 сентября, значительно отличался от проекта Прието, который был одобрен днём ранее на пленуме НКТ Леванта. Согласно Сесару Лоренсо, на заседании в Мадриде обозначились три течения. Делегаты Леванта высказались за немедленное вхождение в правительство Ларго Кабальеро, делегаты Каталонии (Франсиско Исглеас, Федерика Монсень и Мариано Васкес) решительно возражали, а делегаты Астурии заняли неопределённую позицию⁷.

Как следствие этой ситуации, на пленуме 15 сентября было принято компромиссное решение. Длинная резолюция, подписанная Хуаном Лопесом от Леванта, Федерикой Монсень от Каталонии и Аурелио Альваресом от Астурии, предлагала:

“ «Учреждение в Мадриде Национального совета обороны, составленного из представителей всех политических секторов, сражающихся против фашизма, в следующем соотношении: пять делегатов от ВСТ (марксисты), пять от НКТ и четыре республиканца. Председатель Национального совета обороны – Ларго Кабальеро. Учреждение Национального совета предполагает сохранение президентства Республики в лице человека, ныне занимающего эту должность...»

Резолюция также призывала к созданию аналогичных советов обороны во всех регионах и установлению «местного, провинциального, регионального и национального федерализма». Предлагалось преобразовать министерства в департаменты, создать «единую народную милицию» и установить «контроль над милицией со стороны советов рабочих и милиционеров, избранных смешанными комиссиями НКТ и ВСТ». Также предлагалось создание Народного трибунала и нижестоящих народных судов.

Наконец, резолюция предусматривала социализацию «имущества церкви, помещиков, крупной промышленности, крупной торговли, транспорта вообще... право рабочих синдикатов на пользование средствами производства и обмена, которые будут социализированы...»⁸

НКТ провела массовые митинги в Валенсии, Мадриде, Малаге и Барселоне, чтобы популяризовать лозунг Совета обороны. Хосе Пейратс, который в то время выступал против участия НКТ в республиканском правительстве, много лет спустя писал: «Национальный совет обороны, хотя он в основе своей являлся не чем иным, как правительством с другим названием, – а возможно именно поэтому, – рухнул под собственной тяжестью. НКТ хотела участвовать в правительстве, но смягчить эффект от взрывоподобного изменения её принципов. Это обстоятельство, конечно, не ускользнуло от политиков и партий. Пробный шар не мог обмануть Ларго Кабальеро»⁹.

Национальный секретарь Орасио Прието не участвовал в пленуме 15 сентября, так как был «задержан в Валенсии некоторыми незавершёнными делами». Но он был недоволен резолюцией, принятой в Мадриде, и когда следующий пленум региональных федераций – запланированный на пленуме 15 сентября – собрался на заседание 25 сентября, Прието упорно боролся за то, чтобы было вынесено решение о прямом вхождении в правительство Ларго Кабальеро. Однако он потерпел неудачу, и на пленуме было принято очередное

компромиссное предложение¹⁰.

Орасио Прието всё ещё был полон решимости добиться вхождения НКТ в правительство. С этой целью он провёл новый пленум региональных федераций НКТ 18 октября. Согласно его сыну:

“ «На этот раз его точка зрения восторжествовала, правительственное сотрудничество было одобрено. Только каталонцы отнеслись к этому сдержанно и не полностью поддерживали решение большинства. Так или иначе, Пленум уполномочил генерального секретаря провести переговоры, необходимые для вхождения НКТ в правительство».

Согласно Сесару Лоренсо, единственным сообщением о результатах пленума 18 октября было заявление Доминго Торреса, лидера левантийской региональной организации НКТ, на следующий день:

“ «На последнем Пленуме НКТ вопрос о сотрудничестве уже был решён. Мы оставили наше желание сформировать Национальный совет обороны и согласились с названием правительства... Мы не делаем наше сотрудничество вопросом названия»¹¹.

Причины вхождения анархистов в республиканское правительство

Много лет спустя Федерика Монсень рассказала мне о причинах, которые в итоге убедили анархических лидеров в том, что НКТ должна войти в правительство. Она отметила, что Ларго Кабальеро, отклоняя предложение анархистов о создании хунты национальной обороны вместо регулярного кабинета, аргументировал это тем, что такая хунта слишком напоминала бы военную хунту, через которую Франко управлял тогда своей частью Испании, и что её создание оттолкнуло бы общественное мнение в демократических странах, у которых лоялисты искали помощи. Лидеры анархистов посчитали, что в этих аргументах есть смысл.

Монсень также добавила, что лидеры НКТ осознавали тот факт, что любые посты в лоялистской Испании, которые НКТ оставит вакантными, в правительстве, вооружённых силах, промышленных и аграрных коллективах или где-либо ещё, с большой вероятностью будут заняты коммунистами. Они очень скоро увидели, говорила она, угрозу того, что коммунисты попытаются захватить всю власть в свои руки и, опираясь на поддержку Советского Союза, добьются этого.

Наконец, говорила Федерика Монсень, лидеры анархистов считали, что революцию нельзя совершать из правительства, но то, что уже было достигнуто, лучше всего можно было

защитить, находясь в правительстве. Коммунистам и другим противникам революции было бы труднее нападать на группу, представленную правительстве¹².

Порядок принятия решения о вхождении в правительство

В источниках мало указаний на то, что в тот момент среди анархистов наблюдалась сколько-нибудь широкая оппозиция вхождению НКТ в правительство Ларго Кабальеро. Однако те, кто выступал против этого шага тогда или пришёл к выводу о его ошибочности впоследствии, обращали внимание на то, каким образом было принято решение о вхождении в республиканское правительство.

Этот аргумент в июне 1948 г. приводился в органе радикальной фракции НКТ в эмиграции:

“ «Участие НКТ в делах государства было более или менее эффективным; но если быть честными, никто не может сказать, что это участие осуществлялось в соответствии с волей большинства. Вопреки самой элементарной практике Конфедерации, с пренебрежением к федералистской природе Конфедерации, решение об участии в правительстве было принято комитетами, а не синдикатами. Нарушение принципов было навязано сверху, и это должно устыдить нас, а не предоставить аргументы в чью-либо пользу. Даже если отбросить благородный идеализм, это равносильно признанию того, что мы оказались не на высоте положения или что мы позволили себе поддаться сентиментализму, который политики, в то время находившиеся в меньшинстве, умело эксплуатировали»¹³.

Министерства и министры НКТ

Как только решение о вхождении НКТ в правительство было принято, встал вопрос о том, сколько министерских постов должны получить анархисты и кто должен их замещать. По воспоминаниям Ларго Кабальеро, «дискуссия вращалась вокруг того, сколько министров должно быть у них в правительстве, шесть или четыре»¹⁴. «Торг закончился уступкой со стороны Национальной конфедерации труда. Она получила четырёх министров...»¹⁵

Версии этих переговоров, приводимые Ларго Кабальеро и сыном Орасио Прието, существенно различаются. Согласно Сесару Лоренсо, Ларго Кабальеро продолжал настаивать, чтобы анархисты согласились на принятие одной должности министра без портфеля. Тогда Прието отправился в Барселону, куда переехал президент Мануэль Асанья, и потребовал для НКТ более адекватного представительства в кабинете. Он и три других лидера НКТ встретились с двумя министрами без портфеля в правительстве Ларго Кабальеро, баскским националистом Мануэлем Ирухо и экс-премьером Хосе Хиралем,

которые были уполномочены Асаньей вести переговоры с Прието и его коллегами.

В ходе этого обсуждения Ирухо, как сообщалось, в принципе был против вхождения НКТ в республиканский кабинет. Однако Хосе Хираль, человек, политически и лично близкий к Асанье, признал справедливость требований Прието и пообещал сэнэтистам, что он договорится с президентом о предоставлении анархистам четырёх министерств. Когда Асанья дал своё согласие, Прието вернулся в Мадрид.

Согласно Сесару Лоренсо, во время очередного обсуждения вопроса с Ларго Кабальеро «Прието попросил премьер-министра оставить идею о том, что НКТ должна удовлетвориться одним министром без портфеля, поскольку президент Республики пришёл к соглашению с Конфедерацией и обещал достойное сотрудничество». Лоренсо добавляет: «Ларго Кабальеро, поначалу ошеломлённый, заявил, что не имеет возражений, и согласился переформировать свой кабинет...»¹⁶

Версия Ларго Кабальеро по поводу вмешательства президента Асаньи в заключительные переговоры с НКТ значительно отличается от версии Сесара Лоренсо (и, предположительно, Орасио Прието). Он пишет:

“ «Президент отказывался подписывать декреты, поскольку ему претило иметь в правительстве четырёх анархистов... Другой руководитель государства увидел бы политическое и историческое значение этого события; Асанья видел лишь то, что дон Мануэль Асанья своей подписью утвердил назначение четырёх человек, чьи идеи были осуждены им и многими людьми... он не видел тех изменений, которые знаменовал собой этот политический акт, и не понимал, какое значение для будущего имеет переход испанского анархизма от терроризма и прямого действия к сотрудничеству и разделению ответственности за власть, его вхождение в правительство, в котором представлены все политические тенденции. Я объявил о своей отставке в случае, если он не подпишет декреты, и он скрепя сердце подписал их. Событие свершилось. Испанский анархизм отказался от аполитичности и прямого действия»¹⁷.

Ещё одну версию переговоров между Ларго Кабальеро и президентом Асаньей дал Родольфо Льопис, который был генеральным секретарём правительства при Ларго Кабальеро. Он сообщил, что Асанья особенно возражал против кандидатуры Гарсии Оливера, из-за его криминального досье, и Федерики Монсень, по другим причинам. Однако Ларго Кабальеро заявил, что он предоставил НКТ самой выбрать своих представителей в правительстве и он поддерживает её выбор. По словам Льописа, только угроза отставки Ларго Кабальеро заставила президента подписать декреты о назначении министров-анархистов¹⁸.

Независимо от того, какая из этих версий ближе к истине, очевидно, что президент Асанья относился к назначению анархистов крайне отрицательно. В своих мемуарах он пишет:

«...Не только вопреки моему мнению, но и несмотря на мой громкий протест, была навязана ноябрьская перестановка в правительстве, с включением НКТ и анархистов, которая самим республиканцам казалась желательной, неизбежной и полезной»¹⁹.

Уступки Ларго Кабальеро по отношению к анархистам до некоторой степени были показными. Как пишет Хуан Гарсия Оливер, обсуждая своё назначение министром, он говорил Орасио Прието:

“ «Такой же типичной операцией социалистов является выбор четырёх министерств, переданных вам, из которых только юстиция в действительности представляет собой министерство; остальные три – главные управления. Ни одно из этих четырёх министерств не имеет секретных фондов, средства которых могут использоваться без отчёта перед кем бы то ни было. Все министерства с секретными фондами заняты уважаемыми членами ИСРП»²⁰.

Гарсия Оливер был недалёк от истины. Только Министерство юстиции имело устойчивое положение в кабинете до того, как в него вошли анархисты. Существовавшее ранее Министерство промышленности и торговли было разделено на два самостоятельных министерства, а Главное управление здравоохранения было преобразовано в Министерство здравоохранения и социального обеспечения²¹. Это и были посты, которые Ларго Кабальеро предложил Прието и которые тот согласился принять от имени НКТ.

После того, как министерства, которыми должны были руководить анархисты, были определены, следовало решить, какие лидеры НКТ займут эти должности. По словам Сесара Лоренсо, их выбирал Орасио Прието, хотя кандидатуры были утверждены Национальным комитетом НКТ. Лоренсо пишет:

“ «Он [Прието] назвал имена Гарсии Оливера, Федерики Монсень, Хуана Пейрó и Хуана Лопеса. Он фактически настаивал на том, что обе тенденции анархо-синдикализма, революционная и реформистская, должны быть представлены, чтобы все разделили новую ответственность. Он стремился, как он сам говорил, выбрать ведущих представителей обоих секторов – отсюда имена Хуана Лопеса (выдвинуть Пестанью было невозможно) и Хуана Пейро, бывших трейнтистов, с одной стороны; Гарсии Оливера и Федерики Монсень, членов ФАИ... с другой»²².

Когда кандидаты были согласованы с Национальным комитетом, перед Орасио Прието встала задача получить их согласие на занятие министерских постов. У него не возникло проблем с Хуаном Лопесом и Хуаном Пейро, которые согласились сразу же. С фаистами оказалось сложнее. Сесар Лоренсо пишет, что Федерика Монсень «отказалась категорически. Она, дочь Федерико Уралеса и Соледад Густаво, она, с младенчества пропитанная анархическим идеалом, она, принадлежавшая лишь ФАИ, никогда не будет отвергать своё прошлое и свои убеждения». Прието сказал ей, что в таком случае ему

придётся найти другую анархистку, которая согласится работать в правительстве. После этого Монсень «изменила своё мнение. Женщина-министр в Испании, какое событие! И притом анархистка! Весьма взволнованная, Федерика Монсень попросила времени на размышление. Орасио Прието дал ей сутки. На следующий день она согласилась, её отец (Федерико Уралес) настоятельно советовал ей войти в правительство»²³.

Убедить Гарсию Оливера было ещё труднее. Как говорили, он ответил, что его квалификация в области юстиции определяется тем, насколько часто ему доводилось оказываться в тюрьме²⁴.

По его собственному свидетельству, Гарсия Оливер сказал Прието:

“ «Я приведу тебе три серьёзных возражения. Во-первых, становясь частью мадридского правительства, НКТ окончательно отказывается от своих принципов и целей социальной революции; во-вторых, это демонстрирует полное пренебрежение тем, что НКТ является федеративным объединением региональных организаций, если в правительство отправляют четырёх каталонских министров, при непростительном игнорировании региональной организации Центра; в-третьих, снять меня с генерального секретариата каталонского Департамента обороны – означает разрушить антифашистское равновесие в Каталонии. Если меня не будет здесь, все ограничения будут сняты и спустя недолгое время Каталония скатится в хаос».

Однако Прието настойчиво убеждал Гарсию Оливера в необходимости его присутствия в новом правительстве. Как вспоминает Гарсия Оливер, Прието говорил ему:

“ «Я считаю, что без тебя наше вхождение в правительство закончится провалом. Только ты можешь иметь дело с парламентскими акулами»²⁵.

По-видимому, более убедительными оказались доводы его товарищей из Регионального комитета Каталонии НКТ, куда Прието отправился после кабинета Гарсии Оливера. Прието удалось убедить каталонское руководство НКТ в важности назначения Гарсии Оливера одним из новых республиканских министров, и комитет принял меры, чтобы Хуан Молина стал его преемником в секретариате обороны. Мариано Васкес, в то время секретарь каталонской НКТ, связался с Гарсией Оливером, сообщив о решении регионального руководства, и тот наконец согласился стать министром²⁶.

В результате переговоров Орасио Прието с премьер-министром и с людьми, выбранными, чтобы представлять НКТ в кабинете Ларго Кабальеро, анархисты официально вошли в республиканское правительство 5 ноября 1936 г. Много лет спустя Хуан Лопес, один из четырёх анархистов в кабинете министров, говорил мне, что сэнэтисты собирались не просто участвовать в республиканском правительстве на общих основаниях, а скорее принести революцию в это правительство²⁷. Однако им не потребовалось много времени, чтобы понять, что консервативное большинство в правительстве не позволит им использовать своё присутствие в кабинете для того, чтобы легализовать революцию,

которая фактически произошла после 19 июля.

Решение об эвакуации правительства из Мадрида

Несколько важных решений, касавшихся будущего войны и революции, были приняты прежде, чем НКТ вошла в правительство, – в частности, решение отправить большую часть золотого запаса страны «на хранение» в Советский Союз. Министр финансов Хуан Негрин отсутствовал на первых нескольких заседаниях кабинета с участием анархистов, так как в это время он наблюдал за погрузкой золота на суда²⁸. Это подтверждается свидетельством адмирала Н. Кузнецова, военного советника на испанском республиканском флоте, который также участвовал в этой операции. Он отмечает, что погрузка испанского золота, предназначенного для отправки в СССР, началась во второй половине октября 1936 г. и руководил ею Хуан Негрин²⁹.

Тем не менее на первом заседании нового правительства в Мадриде министрам-анархистам пришлось участвовать в принятии кардинального решения о переносе республиканской столицы в Валенсию. Войска Франко подходили к предместьям Мадрида, и будущее города вызывало серьёзные опасения. Смена столицы, таким образом, стала проблемой первостепенной важности.

Однако это был не первый раз, когда поднимался вопрос о переносе столицы. Сесар Лоренсо пишет, что 17 или 18 сентября его отец Орасио Прието, как национальный секретарь НКТ, был вызван к военному министру наряду с представителями других организаций Народного фронта.

Премьер-министр и военный министр Франсиско Ларго Кабальеро объяснил это совещание тем, «что война идёт неважно, враг делает успехи во многих пунктах, но это совершенно естественно, учитывая эффект неожиданности, и ситуация скоро изменится. Тем временем, так как Мадрид находится в опасности и фактически не имеет какого-либо стратегического или экономического значения (Мадрид, сказал он, всего лишь брюхо), правительство предлагает эвакуировать столицу. Они спокойно проведут эвакуацию детей, стариков, больных и женщин, а затем переведут организации и само правительство в другой регион, чтобы избежать опасных неожиданностей или поспешных мер».

Премьер-министр попросил, чтобы все присутствующие, начиная с самого правого и заканчивая Орасио Прието из НКТ, высказали своё мнение. Все, кто предшествовал Прието, одобрительно отозвались об этом предложении. Однако, когда настала его очередь, Прието сказал:

“ «Я очень рад находиться среди вас и видеть такое единодушие... но я должен изложить моё личное мнение. Я против эвакуации Мадрида – из-за того психологического шока, который вызовет эта мера среди населения, из-

за сомнений, пессимизма, разлада, которые вытеснят царящий сегодня энтузиазм, принесут крайне отрицательные результаты и причинят больше вреда, чем все военные и экономические последствия, которые может иметь отказ от Мадрида...»

Ларго Кабальеро был чрезвычайно раздражён, услышав позицию Прието, и в ответ поставил под сомнение боевые качества анархических войск в Арагоне. Прието промолчал, но, когда совещание закончилось, представители ВСТ и Синдикалистской партии подошли к нему, и сказали, что его позиция была правильной. «И больше никто не говорил об эвакуации Мадрида», – пишет Лоренсо³⁰.

Однако к тому времени, когда анархисты вошли в правительство в начале ноября, положение Мадрида стало угрожающим, и многим казалось, что он обречён. Армии Франко были на рубежах города, который бомбардировался вражеской авиацией и артиллерией, а коммунисты из 5-го полка вели снайперский огонь в различных частях столицы.

Сразу после падения Толедо Комитет обороны Центра НКТ был проинформирован о том, что советские советники предложили правительству покинуть столицу³¹.

На первом заседании нового кабинета с участием четырёх министров-анархистов единственным пунктом в повестке был вопрос об эвакуации правительства из столицы. Позднее Ларго Кабальеро писал о позиции, занятой анархистами:

“ «На первом заседании Совета [министров], где они присутствовали, был рассмотрен и согласован выезд из Мадрида, и это был вопрос не из приятных. Они и два коммуниста в первые моменты выступили против этого, полагая, что это серьёзно ослабит народный дух и может вызвать некоторые волнения. То, чего они боялись, могло произойти, но ещё более опасно было то, что президент Республики и правительство могли оказаться во власти мятежников, поскольку это означало бы конец войны, которая, с другой стороны, шла не только в Мадриде, но и по всей Испании. Из другой столицы можно было бы позаботиться о нуждах всех фронтов. Наконец, их удалось убедить, и решение было принято единогласно»³².

Стоит заметить, что коммунистическая историография не упоминает об оппозиции двух министров-коммунистов переносу столицы³³.

Воспоминания Гарсия Оливера о цепи событий, которая привела к решению о переезде правительства, значительно отличаются от изложения бывшего премьер-министра. Хотя он немного путает даты, анархический экс-министр говорит, что прошло два заседания кабинета, прежде чем это решение было принято.

На первом заседании, которое, по-видимому, прошло 5 ноября, Орасио Прието представил министров-анархистов премьер-министру Ларго Кабальеро, который затем представил их остальным членам кабинета. После этого Ларго Кабальеро внёс предложение о переезде правительства и, по словам Гарсии Оливера, все министры, кроме сэнэтистов, согласились с

этим предложением. Когда пришла пора высказаться анархистам, Гарсия Оливер попросил перерыва на несколько минут, чтобы они могли обсудить ситуацию. Четыре министра НКТ договорились, что они будут голосовать против переезда из Мадрида, даже если это вызовет кризис в правительстве и вынудит их уйти в отставку.

Гарсия Оливер от их имени выразил несогласие. Ларго Кабальеро не стал провоцировать кризис, а вместо этого отложил обсуждение, сказав, что позже соберёт членов кабинета на чрезвычайное заседание для окончательного решения³⁴.

Четыре министра от НКТ отправились в штаб-квартиру анархистов, чтобы посоветоваться с Орасио Прието. Когда они спросили его, должны ли они вызвать правительственный кризис, чтобы не позволить правительству покинуть Мадрид, он ответил, что они не должны этого делать, но им следует как можно дольше затягивать обсуждение³⁵.

Чрезвычайное заседание было назначено на четыре часа дня 6 ноября (хотя Гарсия Оливер говорит, что оно было 7 ноября). Ларго Кабальеро заявил, что правительство должно выехать из Мадрида этим же вечером, добавив, что он предлагает оставить хунту во главе с генералом Миахой для управления городом. И снова все министры, кроме четырёх анархистов, согласились с предложением премьер-министра. Тогда, по требованию анархистов, заседание прервали на полчаса, чтобы дать им принять окончательное решение по поводу своей позиции.

Четыре анархиста пытались созвониться с Орасио Прието и получить от него указания относительно того, стоит им идти на правительственный кризис или нет. Когда им не удалось связаться с ним, они начали совещаться друг с другом.

Согласно изложению Гарсии Оливера, он сказал своим коллегам:

“ «Это кризис, и мы не уполномочены его вызвать. У меня сложилось впечатление, что все остальные министры уже собрали чемоданы. Нам придётся сбежать вместе с ними и оставить город. По моему мнению, мы должны взять на себя ответственность и согласиться на отъезд правительства. Следующие часы будут встречены бойцами при оружии, а четыре бывших министра из НКТ не защитят город. Если вы считаете по-другому – решайте сами».

В конце концов трое остальных согласились с позицией Гарсии Оливера и предоставили ему говорить с кабинетом от их имени. Когда заседание возобновилось, Гарсия Оливер объявил об их согласии, и решение покинуть Мадрид стало единогласным. После этого члены кабинета разошлись, чтобы в следующий раз встретиться в Валенсии, не оговаривая заранее дату³⁶.

Версия Орасио Прието о том, как было принято это решение, полностью отличается от версии Гарсии Оливера. Сесар Лоренсо пишет:

«Четыре либертарных министра согласились на переезд, не консультируясь с Национальным комитетом или его секретарём, даже не оповестив их по телефону, поставив НКТ перед свершившимся фактом. В этих трагических обстоятельствах Орасио Прието не мог потребовать смещения четырёх министров за их неподобающее поведение и тем самым вызвать правительственный кризис».

Многие лидеры анархистов пришли к выводу, что НКТ была включена в кабинет именно в это время для того, чтобы «прикрыть» правительство, уезжающее из Мадрида. Так, Гарсия Оливер в отчёте о своей деятельности в качестве министра юстиции, с которым он выступал перед членами НКТ вскоре после выхода анархистов из правительства, говорил:

“ «...НКТ призвали, если оставить в стороне причины правительственного и политического значения, для того чтобы правительство могло оставить Мадрид. Если бы правительство того времени оставило Мадрид, не разделив ответственность за это с НКТ, оно было бы мёртвым правительством».

Тогда Гарсия Оливер оправдывал это решение:

“ «Необходимо сказать, чтобы не возникало сомнений, что решение правительства оставить Мадрид – не говоря о том, что ему следовало сделать это месяцем ранее, – было решением хорошего правительства, поскольку правительство в Мадриде не было правительством; это было ещё одно собрание общественности, сосредоточенное на одной проблеме войны, Мадридском фронте, и полностью игнорирующее проблемы войны в остальной Испании, общие проблемы страны... Правительство, ставшее узником обстоятельств, находившееся под давлением бомбардировок и запутанных новостей, не отдавало распоряжений, не формировало армию, не организовывало ни медицинских служб, ни социального обеспечения, ни снабжения. Оно было всего лишь незначительным гражданским правительством отдалённой провинции Мадрид»³⁷.

Однако, как отмечает Сесар Лоренсо:

“ «Отъезд в Валенсию правительства, за которым последовал и Национальный комитет, вызвал возмущение активистов НКТ. Они возложили ответственность на Орасио Прието, обвиняя его в слабости и называя “ликвидатором”. В этих условиях, после того как решение покинуть Мадрид было принято вопреки ему, Орасио Прието оставил свой пост секретаря НК»³⁸.

Участие министров-анархистов в восстановлении власти правительства

Бернетт Боллотен подчёркивает важную роль анархистов, как полномочных членов кабинета Ларго Кабальеро, в восстановлении государственной власти, которая была практически сметена в революции, сопровождавшей начало Гражданской войны.

Правительство Хираля приняло некоторые шаги по воссозданию правительственного аппарата. Оно издало декрет об очищении государственной службы, полицейских сил и дипломатического корпуса от сочувствующих мятежникам. Оно утвердило создание «народных судов», которые уже действовали де-факто. Оно декретировало, что держатели банковских счетов не могут снимать с них больше тысячи песет в месяц, и официально конфисковало предприятия, брошенные сторонниками мятежа. Оно также разрешило рабочим комитетам, которые приняли фирмы, брошенные своими собственниками, использовать средства с банковских счетов этих фирм для выдачи зарплаты и других целей³⁹.

Однако меры, принятые в это время, либо носили символический характер, либо представляли собой приспособление правительства к той революции, которая произошла после 19 июля. На местном и региональном уровне власть в лоялистской Испании всё ещё оставалась в руках тех, кто захватил её после поражения мятежников в соответствующих районах; контроль над городской и сельской экономикой продолжали осуществлять рабочие и крестьяне, захватившие его в начале войны.

Задача восстановления государственной власти перешла к правительству Ларго Кабальеро. Одним из аспектов этого процесса была замена бесчисленных комитетов, которые стихийно были созданы партиями и профсоюзами по всей лоялистской Испании в первые дни и недели войны и которые контролировались главным образом анархистами, левыми социалистами и поумистами. Согласно Боллотену:

“ «...Правительство, включив в свой состав членов НКТ, приняло декреты, которые, вместо того чтобы дать комитетам законный статус, как надеялась НКТ при вхождении в кабинет, предусматривали их роспуск и замену регулярными провинциальными и муниципальными советами, в которых должны были быть представлены все партии, поддерживающие Народный фронт, а также профсоюзные организации. Наряду с этим был издан декрет, лишавший местные комитеты и партийные и профсоюзные организации контроля над автомобильными дорогами и над въездами в деревни – их функции передавались полицейским силам, подчинённым Министерству внутренних дел. Все эти меры, безусловно, поставили под угрозу преобладание анархо-синдикалистов во множестве малых городов и сёл и до крайности обострили оппозицию в отношении руководства НКТ и ФАИ...»⁴⁰

«Из-за раскола в либертарном движении, вызванного вопросом о роспуске комитетов, между публикацией этих декретов и их применением на практике пролегла пропасть, и в большом количестве населённых пунктов, где превосходство анархо-синдикалистов было бесспорным, и даже в некоторых, где преобладал менее радикальный ВСТ, комитеты сохранялись, несмотря на противодействие правительства»⁴¹.

Боллотен цитирует письмо ему от Федерики Монсень, в котором она объяснила, как анархистов убедили участвовать в ликвидации революционных институтов и их замене более традиционными правительственными учреждениями:

«Аргументы коммунистов, социалистов и республиканцев всегда были одни и те же: важно дать Испанской республике видимость законности, чтобы успокоить страхи британцев, французов и американцев. Как следствие, государство возвращало себе утраченные позиции, и мы, революционеры, составлявшие часть государства, помогали ему это сделать. Для этого нас и привели в правительство. Хотя мы входили в него не с таким намерением, мы были в нём, и поэтому у нас не было иного выхода, кроме как оставаться заключёнными в этот порочный круг. Но я могу положительно заявить, что, хотя мы и проиграли в конце, мы боролись за каждый дюйм земли и никогда не голосовали за то, что ограничивало завоевания революции, предварительно не согласовав это с Национальным комитетом НКТ, в который входил постоянный представитель ФАИ»⁴².

Вторым этапом в восстановлении государственной власти стала организация регулярных правоохранительных сил вместо иррегулярных полицейских формирований, которые были созданы в начале Гражданской войны и значительная часть которых контролировалась НКТ-ФАИ. Боллотен отмечает реорганизацию и расширение Гражданской гвардии (переименованной в Национальную республиканскую гвардию) и Штурмовой гвардии. Он также подчёркивает важность увеличения численности карабинеров, пограничного патрульного корпуса, подчинявшегося министру финансов Хуану Негрина, о чём мы уже упоминали.

Правительство Ларго Кабальеро, кроме того, пыталось поставить иррегулярную полицию под контроль регулярных полицейских сил. Все милиционеры, которые несли полицейскую службу, были включены в состав новой гражданской милиции, подчинявшейся Министерству внутренних дел. Боллотен пишет: «Этот декрет, как вскоре оказалось, был лишь подготовкой к объединению команд и патрулей рабочих организаций в государственную силовую структуру». Если коммунисты, социалисты и республиканцы быстро присоединились к новому формированию, то «анархо-синдикалисты медлили и во многих местах цепко держались за собственные полицейские отряды и патрули, бросая вызов правительству»⁴³, за который им впоследствии пришлось дорого заплатить.

«Во время постепенной перестройки регулярных полицейских сил, – продолжает Боллотен, – коммунисты применили все свои навыки вербовки, очернения и инфильтрации, чтобы обеспечить себе господствующее положение. Среди должностей, которые им достались, были шеф полиции Мадрида, начальник и заместитель начальника оперативного отдела Министерства внутренних дел и генеральный комиссар Управления безопасности,

отвечавший за назначения, переводы и дисциплину в полиции». Боллотен считает особенно важным тот факт, что коммунист возглавил школу, готовившую кадры для тайной полиции.

Боллотен комментирует: «Со времени своего создания этот корпус, в конечном счёте более важный, чем любые носившие форму силы общественного порядка, стал простым орудием советской тайной полиции, которая по причине того, что Испания занимала теперь видное место в советской внешней политике, обосновалась в левом лагере в самом начале войны»⁴⁴.

Советская тайная полиция, ОГПУ, работала совершенно независимо от полицейских сил республиканского правительства. Вальтер Кривицкий, в то время шеф советской разведки в Западной Европе, посетил Барселону в конце 1936 г. и несколько лет спустя написал:

“ «ОГПУ внесло свою лепту. Уже в декабре 1936 г. террор охватил Мадрид, Барселону и Валенсию. ОГПУ имело собственные спецтюрьмы. Его агенты занимались убийствами и похищениями. Они заполняли потайные темницы и совершали рейды. Они функционировали, разумеется, независимо от лоялистского правительства. Министерство юстиции не имело никакой власти над ОГПУ, которое было империей внутри империи. Это была сила, перед которой трепетали даже высшие лица правительства Кабальеро»⁴⁵.

Министры от НКТ и национальное руководство НКТ

Четыре министра от НКТ в правительстве Ларго Кабальеро работали в тесном контакте с национальным руководством своей организации. Они регулярно приходили, обычно раз в неделю, на пленум Национального комитета НКТ, чтобы рассказать о том, что было ими сделано и как идут дела в правительстве, а также чтобы ответить на критические замечания товарищей. На этих заседаниях случались довольно жаркие споры.

Один член Национального комитета времён войны спустя много лет говорил, что задачей министров было охладить революционный пыл некоторых сэнэтистов, заставить их понять, что поражение в войне означало бы поражение революции и поэтому было важно добиться победы. Министры и Национальный комитет, говорил он, были полностью согласны насчёт этого. Иногда резкая критика исходила снизу, и их называли «пожарными», которые тушили огонь революции⁴⁶.

Хуан Гарсия Оливер как министр юстиции

Безусловно, Гарсия Оливер был самым успешным из четырёх министров-анархистов, работавших в правительстве Ларго Кабальеро. Не только потому, что его министерство уже было полностью сформированным, когда он возглавил его, но и благодаря его динамичности и близким отношениям с премьер-министром.

В своих мемуарах Гарсия Оливер изложил свои цели и политику на посту министра юстиции:

“ «Я собирался продемонстрировать, что можно одновременно быть анархистом и министром... Не переставая быть убеждённым анархо-синдикалистом... я хотел оставить в истории революций свидетельство службы анархо-синдикалиста в качестве главы Министерства юстиции; и хотя обычно оно воспринимается как министерство цепей, решёток и тюрем, не стоит забывать о том, что оно также является источником Права и что в конечном счёте все высшие концепции социализма, анархические или марксистские, могут быть выражены только через Право...

Чтобы выполнить работу, которая оставила бы глубокий след, мне следовало стать министром на деле, не позволив себе быть запуганным или стеснённым какими-либо влияниями или комплексами... Насколько было возможно, я собирался продвигать работу, которая до сих пор не была сделана. Но для начала я должен был ясно дать понять, что правосудие находится в моих руках. И не допускать за пределами нашей организации ночного правосудия на скорую руку, которое абсолютно безнаказанно вершилось теми, кто при свете дня представлял перед Испанией и международным мнением как воплощение Невинности, позволяя другим говорить: “Когда министр юстиции анархист, неудивительно, что его личные агенты после своих ночных прогулок оставляют непогребёнными тех, кого они приговаривают”»⁴⁷.

Гарсия Оливер был единственным из министров-анархистов, имевшим некоторое влияние на ход войны. В главе 9 мы отмечали его роль в организации школ подготовки офицеров для новой Народной армии, которые должны были не только предоставить республиканским вооружённым силам достойное руководство, но и не дать коммунистам монополизировать власть в военных вопросах.

Но кроме этого Гарсия Оливер входил в состав Высшего военного совета (Consejo Superior de Guerra), созданного Советом министров по его инициативе. Перед первым заседанием кабинета в Валенсии четыре министра-анархиста встретились с Орасио Прието, который тогда ещё был национальным секретарём НКТ, и договорились по возможности добиваться создания внутри правительства военного совета, в котором они были бы представлены.

На заседании 13 ноября 1936 г. Гарсия Оливер предложил Совету министров образовать Высший военный совет, включающий военного министра/премьер-министра, министра флота и авиации (Индалесио Прието), генерального политкомиссара (Хулио Альвареса дель Вайо), министра юстиции (в силу его опыта по руководству каталонскими вооружёнными силами), представителей автономных каталонского и баскского правительств и

представителя Коммунистической партии. Ларго Кабальеро немедленно поддержал эту идею, но, когда были выдвинуты возражения, он дал министрам 48 часов, чтобы проконсультироваться со своими партиями. Два дня спустя кабинет решил сформировать Высший военный совет⁴⁸.

Этот совет, по-видимому, регулярно проводил свои заседания в течение оставшегося срока работы правительства Ларго Кабальеро. Он обсуждал назначения на ключевые военные посты, военную стратегию и тому подобные вопросы, хотя очевидно, что он скорее являлся совещанием при военном министре Ларго Кабальеро, чем исполнительным органом.

Гарсия Оливер оказался самым способным политиком среди четырёх министров-анархистов. Ему гораздо чаще удавалось получить одобрение для тех проектов, которые он выносил на рассмотрение кабинета.

В своих мемуарах Гарсия Оливер вспоминает беседу с Федерикой Монсень, которая говорила о том, с каким успехом ему удавалось проводить свои инициативы через Совет министров, тогда как ей бывало трудно даже внести интересующие её предложения. Он ответил Монсень: «Это легко. Я заметил, что большинство министров не обращали внимания на то, что мы делали... Зная, что они не читали ни один из проектов декретов, которые были им отравлены, я, когда подходила моя очередь представлять вопросы Совету, доставал свои предложения одно за другим и передавал их председателю, говоря: “Я направил этот проект декрета всем министрам и думаю, что они ознакомились с ним. Нет необходимости зачитывать его или излагать его содержание”. Министры, чтобы не признаваться, что ни один из них не читал проект, хранили молчание, и председатель, пользуясь этим, говорил: “Возражений нет? Одобрено...”»⁴⁹

Одной из первых целей Гарсии Оливера на посту министра юстиции стало прекращение практики самосудов, известных в народе как «прогулки» (paseos), которые всё ещё имели место спустя три с половиной месяца после начала Гражданской войны. Ещё до того, как правительство уехало из Мадрида, у него состоялась встреча с Маргаритой Нелькен, прокоммунистическим депутатом от Социалистической партии, которая «во главе комитета “Объединённой социалистической молодёжи” приняла на себя функции исполнения правосудия в Мадриде»⁵⁰. Он попросил её «отойти от всего, что имеет отношение к осуществлению правосудия. Отныне выполнять эти обязанности буду я. И только со своими людьми»⁵¹. Депутат Нелькен, по-видимому, выполнила это требование.

Гарсия Оливер столкнулся с той же самой проблемой в Валенсии. Как он пишет в своих мемуарах:

“ «...Каждую ночь на верхнем этаже окружного суда (аудиенсии) собирался так называемый “Кровавый трибунал”. Его члены – их было около двадцати – относились к юридическому, полицейскому и политическому аппарату всех антифашистских партий и организаций города... Каждую ночь по его распоряжению арестовывали людей, заподозренных в фашизме. Их судили и, если их приговаривали к смерти, казнили. Всё это проводилось за одну ночь. Тела казнённых оставляли за городом, в полях и садах».

Гарсия Оливер встретился с членами этой коллегии и потребовал от них «больше не собираться в качестве так называемого “Кровавого трибунала”. Вы должны позволить народным судам заниматься своим делом». Были возражения, и кое-кто полушутя сказал, что, возможно, им придётся судить самого министра юстиции. Гарсия Оливер ответил на это:

“ «Товарищи, вы знаете, кто я такой. Я охотно отвечаю на ваши вопросы, но я могу сделать это и с пулемётом в руках. Я притворюсь, что не слышал вас, при условии, что вы больше не действуете как “Кровавый трибунал”»⁵².

Особенно серьёзной разновидностью «прогулок» в первые месяцы войны были действия политических групп, особенно коммунистов, которые приходили в тюрьмы, забирали из них заключённых и расстреливали. Были случаи, когда начальников тюрем избивали или убивали за отказ выдать заключённых. Когда во главе Министерства юстиции встал анархист, подобные процедуры больше не допускались⁵³.

Гарсия Оливер говорил в своей речи о пребывании на должности министра юстиции, сразу после отставки:

“ «Я могу сказать вам, что если 5 ноября мы встретили с правительством в катастрофическом состоянии и с хаосом в правовой жизни нашей страны, то полтора месяца спустя, к 1 января 1937 г., по всей Испании была организована народная юстиция, “прогулки” прекратились и отправление правосудия в каждом регионе стало реальностью»⁵⁴.

Одним из первых действий министра юстиции стало уничтожение всех старых дел, хранившихся в министерстве в Мадриде. Когда ему сообщили, что министерство пострадало от вражеской бомбардировки и многие дела были разбросаны и пришли в беспорядок, он приказал сжечь те, что остались⁵⁵.

Спустя некоторое время Гарсия Оливер, в дополнение к уничтожению уголовных дел, заставил кабинет объявить общую амнистию по всем преступлениям, совершённым до 15 июля 1936 г. Покинув должность, он говорил, что «криминальное прошлое стоит клеймом на этой и всех остальных странах мира... и этим декретом мы стираем всякого рода предрассудки буржуазного общества и ставим всех, кто раньше считались правонарушителями, в одинаковые условия с остальными... чтобы они могли стать достойными гражданами и заново построить свою жизнь в обществе...»⁵⁶

По предложению Орасио Прието, Гарсия Оливер назначил своим заместителем адвоката Мариано Санчеса Року, сочувствовавшего НКТ⁵⁷. Он также создал юридическую консультативную комиссию, которая разрабатывала законопроекты, вносившиеся министром в кабинет. Председателем комиссии был Санчес Рока, а в её состав входили Лопес де Гойкоэча, республиканец и член Верховного суда; Абель Велилья, председатель регионального суда из Федеральной партии; Бенито Павон, депутат из Синдикалистской партии; и коммунист-адвокат Каetano Боливар⁵⁸.

Гарсия Оливер внёс несколько существенных изменений в порядок работы Министерства юстиции и судов. Одним из них было прекращение системы, при которой судебные служащие не получали регулярного жалования, и их заработок зависел от того, какое количество документов проходило через их руки. Это приводило к увеличению бюрократизма и волокиты при рассмотрении и решении дел. Гарсия Оливер ввёл регулярную оплату труда для всех служащих⁵⁹.

Другим важным изменением в министерстве стал декрет, который предоставлял его служащим право свободно вступать в профсоюзы НКТ либо ВСТ. Эта мера вызвала протесты некоторых министров на следующем заседании кабинета, но министр-анархист получил в этом вопросе мощную поддержку премьер-министра Франсиско Ларго Кабальеро, который сам являлся генеральным секретарём ВСТ⁶⁰.

После ухода из министерства Гарсия Оливер утверждал, что он никогда не использовал свою должность, чтобы приобрести новых сторонников для НКТ: «Абсолютно никто, ни один заседатель в Испании, ни один окружной прокурор в Испании, ни один председатель суда в Испании, не может сказать, что получал от министра юстиции предложение вступить в НКТ или ФАИ, чтобы получить привилегированное положение». Он отмечал, что в начале войны НКТ добровольно отказалась от безраздельной власти, которую она могла захватить, и спрашивал:

“ «Сделаем ли мы НКТ сильной, разлагая заседателей, подкупая окружных прокуроров или председателей судов, перемещая их с одного места на другое? Нет!»⁶¹

При содействии юридической консультативной комиссии, Гарсия Оливер внёс в кабинет много важных законопроектов. Один из них позволял подсудимым отказаться от услуг адвоката:

“ «Когда идёт суд, для ответчика всегда лучше, когда он, хорошо ли, плохо ли, может защитить себя сам и может отказаться от своих показаний по собственной инициативе, чем когда он вынужден полагаться на адвоката, которому не доверяет...»⁶²

Декрет-закон от 4 февраля 1937 г. предоставлял женщинам полные гражданские права:

“ «Подумайте о противоречивости и нелепости ситуации, когда замужняя женщина может быть избрана мэром, депутатом, министром, может принимать законы, но, с другой стороны, не может распоряжаться собой или своим имуществом. Она не может покинуть дом и переехать в другое место без разрешения мужа. Если она хочет отправиться в путешествие, она не может этого сделать. Если она хочет получить паспорт, она не может этого сделать. Она фактически была рабыней, даже при том, что Республика дала ей право голосовать и быть избранной...»⁶³

Декрет-закон, принятый в апреле 1937 г., позволял усыновлять детей людям, которые не являлись их кровными родственниками. Другой декрет, изданный в тот же день, признавал неофициальные браки милиционеров и солдат и тем самым предоставлял их вдовам права, которыми пользовались наследники военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей⁶⁴.

Последний декрет-закон, внесённый Гарсией Оливером и принятый кабинетом всего за несколько дней до ухода в отставку, предусматривал распространение юрисдикции гражданских (народных) судов на личный состав вооружённых сил, кроме «преступлений, совершённых исключительно и непосредственно военнослужащими во время несения службы. Все прочие дела переходят в единую юрисдикцию – гражданскую»⁶⁵.

Народные суды (*tribunales populares*) были созданы сразу после начала Гражданской войны. Они включали в себя как профессиональных судей, так и непрофессионалов, и их развитие несколько по-разному протекало в различных частях республиканской территории. Однако декрет-закон, предложенный Гарсией Оливером и одобренный кабинетом 7 мая 1937 г., состоявший из 130 статей, кодифицировал порядок работы этих новых учреждений⁶⁶.

Как министр юстиции, Гарсия Оливер вынашивал собственные идеи о природе и задачах исправительных учреждений, как в отношении виновных в политических преступлениях против Республики, так и в отношении обычных уголовных преступников. Но пересмотр системы наказаний для политических заключённых остался на начальном этапе, а проекты по изменению положения уголовных заключённых остались простыми пожеланиями.

Политических заключённых Гарсия Оливер предлагал помещать в трудовые лагеря, а не в тюрьмы. Он считал, что те, кто попытался свергнуть Республику и тем самым способствовал развязыванию гражданской войны, должны внести свой вклад в восстановление страны, выполняя работу в период своего заключения. Однако вместе с тем он предлагал, чтобы заключённые в трудовых лагерях получали небольшую зарплату за каждый отработанный день и чтобы их срок заключения сокращался на один день за каждую неделю, проведённую без нарушения правил. Кроме того, если заключённый демонстрировал хорошее поведение в течение года, его срок следовало сократить ещё на один год.

Гарсия Оливер признавал возможное сходство между трудовыми лагерями, которые он предлагал, и концентрационными лагерями фашистских стран. Однако он настаивал, что это сравнение было неоправданным, учитывая возможность сокращения срока и категорический запрет на применение насилия к заключённым⁶⁷. Один такой лагерь действительно был организован во время пребывания Гарсии Оливера на посту министра юстиции⁶⁸.

Гарсия Оливер изложил свои идеи о том, как должны быть изменены места заключения для обычных преступников, в речи, произнесённой на церемонии открытия судебного года, в присутствии всех членов Верховного суда, а также представителей правительства и дипломатического корпуса. Министр юстиции предлагал создать так называемые «исправительные города» (*ciudades penitenciarias*), которые он описывал следующим образом: «Наказания? Мы не будем никого наказывать. У них будет свой суд, они будут

учиться быть судьями, они будут учиться самоуправлению. У них будет корпоративная организация, и для каждого направления работы будет избран делегат; будет сформирован совет исправительного города; они примут свои законы, свои кодексы; они будут осуществлять собственное правосудие; они будут принимать решения и распоряжаться... О чём ещё можно просить? Назовёт ли кто-то плохим то, что человек эффективно перевоспитывается, чтобы он мог вернуться в общество?»⁶⁹ Однако у него не было возможности создать подобный город.

Хуан Пейро как министр промышленности

Можно было предположить, что Хуан Пейро как министр промышленности станет самым влиятельным среди министров-анархистов, ввиду того факта, что значительная доля промышленных предприятий в республиканской Испании была конфискована НКТ. Однако этого не произошло.

Введение к речи Пейро о пребывании на посту министра промышленности, которая была произнесена вскоре после его отставки и издана НКТ в виде брошюры, отражает его неудовлетворённость итогами работы: «Описание министерского опыта Пейро в промышленном ведомстве не может быть ничем иным, кроме рассказа о чередке неудач. Он ничего, или почти ничего, не мог сделать. Ему отказывали в деньгах, его декреты отклонялись, против него постоянно выступал сплочённый блок республиканцев, коммунистов и правых социалистов. Только иногда некоторые его предложения проходили, после долгих дебатов и благодаря поддержке председателя [правительства], который чувствовал свою ответственность революционера»⁷⁰.

В своём открытом отчёте о пребывании в Министерстве промышленности Хуан Пейро перечислял поставленные им цели и неудачи при попытках их достижения. Особое внимание он обращал на военную промышленность, добычу полезных ископаемых и электроэнергетику, и его успехи во всех этих отраслях были весьма скромными.

Первым предложением Пейро в отношении промышленного производства и, в частности, военной промышленности было принятие декрета о проведении коллективизации на испанских предприятиях и интервенции – на иностранных. Интервенция представляла собой временную передачу контроля над предприятиями правительству. Коллективизация означала легализацию рабочего самоуправления.

Премьер-министр Ларго Кабальеро отверг эту идею. Он утверждал, что подобный декрет усложнит отношения испанского республиканского правительства с Великобританией, Францией, Бельгией и другими демократическими странами, граждане которых имели значительные капиталы в Испании. Ларго Кабальеро и Пейро согласились на компромиссный декрет, который предусматривал «реквизицию» (incautación) предприятий правительством, и Пейро внёс этот проект в кабинет⁷¹.

Пейро докладывал:

“ «Я должен сказать, что в проекте декрета ясно была поставлена цель коллективизации. Он охватывал все отрасли и пытался установить порядок, при котором преуспевающие предприятия своими излишками покрывают расходы нуждающихся предприятий. Это очевидным образом требовало создания Промышленного банка... который выполнял бы функции, необходимые в трагических экономических, промышленных или политических и социальных обстоятельствах, в которых оказалась Испания...»⁷²

Однако Прието не удалось протолкнуть этот декрет. Как он говорил позднее, когда он представил проект кабинету, «началась голгофа». Его оппоненты потребовали, чтобы эта мера была передана на рассмотрение межведомственной комиссии, включавшей, наряду с прочими, министра финансов Хуана Негрина и министра сельского хозяйства Висенте Урибе. Когда проект вышел из этой комиссии, по словам Пейро, «от него остался один лишь голый скелет»⁷³. Хотя Пейро удалось включить некоторые свои предложения в изданные им инструкции по применению декрета, его проблемы на этом отнюдь не закончились. Декрет мог принести пользу только в случае, если будут предоставлены средства для финансирования его главных положений. Один из пунктов декрета предусматривал, что Министерству промышленности будет выделен кредит в 30 миллионов песет и оно, совместно с Министерством финансов, определит порядок их расходования⁷⁴.

Министр финансов, правый социалист Хуан Негрин, вначале отказался даже встретиться с Пейро, чтобы обсудить это ассигнование, а затем отправил ему проект, согласно которому предполагалось выделить 24 миллиона, вместо 30, через существующий Банк промышленного кредита, но только в качестве кредита со ставкой 6%. Пейро отклонил это предложение, но Негрин не спешил прийти с ним к соглашению, перекаладывая ответственность за неисполнение февральского декрета на министра-анархиста.

На последнем заседании кабинета Ларго Кабальеро, во время которого разразился правительственный кризис, Пейро отвечал на обвинения Негрина:

“ «Нет, товарищ Негрин. Это не вина министра промышленности. Было решено, что нормы должны быть выработаны вами и мной по общему соглашению. После этого пришёл проект, который, как вы вынуждены были признать, был составлен Банком промышленного кредита, о котором мне нечего сказать, но когда я попросил вас назначить день и час для нашей встречи, чтобы выработать нормы, несколько часов назад вы сказали мне: “Сделайте это сами, напишите проект инструкции, затем я рассмотрю её и, если буду согласен, подпишу”. И кризис начался именно в тот момент, когда разрабатывались нормы по использованию этих 30 миллионов песет...»⁷⁵

Хотя Пейро не сказал об этом открыто, представляется очевидным, что Негрин приложил все силы, чтобы заблокировать проект министра-анархиста, и в итоге добился этого.

Пейро пришёл к выводу, что целью Негрина и остальных, кто выступал против этой меры, было помешать рабочим, взявшим в свои руки значительную часть промышленности страны, научиться эффективно ею управлять. Признав, что многие контролируемые рабочими предприятия находились в плохом состоянии, он отмечает:

“ «В декрете о реквизиции и интервенции в промышленности было неявно выражено, что Министерство промышленности должно не принуждать контрольные комитеты и советы предприятий, а содействовать им в выполнении социальной задачи, которая лежит на них в данный момент; и очевидно, что спустя недолгое время, если у этих рабочих, сегодня дезориентированных, появится тот, кто указывает им путь, которым они должны следовать в управлении предприятиями... то рабочие будут в состоянии обойтись без опеки, не только капиталистической, но и государственной. Именно это, по моему суждению, они и пытались предотвратить»⁷⁶.

Опыт Пейро в горнодобывающей отрасли также оказался разочаровывающим и неудовлетворительным. Так, Пейро получил письменное доказательство того, что иностранные инженеры горнодобывающего концерна «Пеньярройя» состояли в сговоре со своими коллегами, которые управляли шахтами той же компании на территории Франко, и подрывали производство на лоялистской территории. После этого он реквизирует имущество фирмы, однако доктор Негрин отменил его решение, как только было смещено правительство Ларго Кабальеро⁷⁷.

Неудачной оказалась также попытка конфискации калиевых шахт в Каталонии (см. главу 21)⁷⁸.

Столкнувшись с тем, что частный консорциум по добыче свинца манипулирует ценами, Пейро добился принятия декрета о создании национальной комиссии по свинцу, «в которой были представлены все стороны отрасли и в которой участвовали рабочие», для регулирования сбыта в стране и за границей. Однако, несмотря на одобрение кабинета, комиссия так и не начала свою работу, поскольку министр Хуан Нейгрин отказался обсуждать с Пейро её финансирование, предусмотренное декретом⁷⁹.

Наконец, свои проблемы имелись и в электроэнергетике. Как сообщал Пейро в своей валенсийской речи после ухода с поста:

“ «Отрасль с самого начала была интервенирована Министерством промышленности, но в такой мягкой манере, что, мы можем вас уверить, это вмешательство ни на что не влияло. Управление имуществом отрасли постоянно находилось в руках профсоюзных организаций, но поскольку она является одной из немногих преуспевающих отраслей, оставшихся в Испании, её процветание привлекло к себе внимание не только муниципалитетов, но и гражданских губернаторов – а у НКТ нет своего

губернатора, – которые хотели провинциализировать и муниципализировать электрические сети, тогда как по справедливости их следовало национализировать.

Поэтому, чтобы предотвратить назревавший конфликт между профсоюзными организациями, муниципальными советами и гражданскими губернаторами, я должен был в последние дни моего пребывания на посту министра издать приказ, гласивший, что эти электрические сети останутся в руках профсоюзных организаций, поскольку до сих пор они доказывали свою способность управлять этими предприятиями. То, что я собирался провести, было не чем иным, как национализацией электроэнергетической отрасли – национализацией в единственной форме, которую могли принять рабочие»⁸⁰.

Пейро подводил итог своей деятельности:

“ «Я могу сказать вам, что каждое предложение министра промышленности встречало самый искренний саботаж, весьма любезный, но тем не менее саботаж. Многие дела остались невыполненными, потому что у нас не было средств, необходимых для их осуществления»⁸¹.

Хуан Лопес как министр торговли

Хуан Негрин был главным противником не только для министра промышленности Хуана Пейро, но и для министра торговли Хуана Лопеса. Как отмечает введение к отчёту Лопеса, опубликованному после его ухода с должности министра:

“ «Нашему товарищу поручили... руководить восстановлением внешней торговли Испании... но его действия полностью зависели от финансов Республики. И Министерство финансов, управляемое социалистом из правого крыла партии – д-ром Негрином, нынешним главой правительства, – не предоставило абсолютно никаких средств, чтобы восстановить торговлю нашей страны в соответствии с новыми ориентирами в жизни Испании»⁸².

В своей речи Лопес охарактеризовал мероприятия, которые он собирался провести во внешней торговле страны:

“ «Мы, отвечая духу испанской революции... хотели ввести монополию на внешнюю торговлю, установив через государственную организацию, через государство, необходимый контроль, чтобы гарантировать, что эта политика монополии на внешнюю торговлю не будет осуществляться к исключительной выгоде одного сектора рабочего класса. Но в то же время мы стояли на той точке зрения, что если государство действительно должно

управлять всей этой организацией, то профсоюзы должны наблюдать за функционированием монополии; она должна находиться в руках тех, кому принадлежат все инструменты производственного аппарата и полномочия по руководству им...»

Однако Лопес дал понять, что ему не удалось осуществить цели НКТ в отношении внешней торговли:

“ «Несмотря на нашу готовность пойти на компромисс, принцип, выдвинутый нами в качестве основы для объединения испанской экономики, не смог завоевать поддержку правительства... Оппозиция всем проектам, все инициативам, которые могли быть реализованы в экономике, согласованно и систематически оказывалась теми элементами, которые представляли интересы, направленные против рабочего класса, и ставили себя на службу высшим интересам капитализма»83.

Далее в своей речи он указал, хотя и не называя по имени, на коммунистов, сыгравших особую роль в саботировании работы министров-анархистов:

“ «Есть в Испании партия, которая не имеет местного происхождения, которая является делегацией из другой страны, и партия эта – агент, активно оказывающий услуги интересам, враждебным рабочему классу»84.

По крайней мере в одном случае Лопесу удалось оказать неофициальную поддержку внешнеэкономической деятельности профсоюзов. Это произошло с КЛУЭА – организацией, которая была создана НКТ и ВСТ в Леванте для контроля над экспортом цитрусовых (см. главу 14). В течение сельскохозяйственного сезона 1936–37 гг. КЛУЭА выступал в качестве основного экспортёра цитрусовых из данного региона, при поддержке министерства Лопеса. Однако, когда министр обратился к кабинету с предложением официально признать монополию КЛУЭА, он натолкнулся на сильное противодействие консервативных элементов в правительстве, и предложенный им проект декрета был направлен на «дальнейшее изучение». Это «изучение» оставалось незаконченным, когда правительство Ларго Кабальеро ушло в отставку.

Но не все проблемы, с которыми сталкивался Хуан Лопес на посту министра торговли, создавались оппонентами НКТ в кабинете. Серьёзные трудности возникали в отношениях с автономными правительствами Страны Басков и Каталонии. Как говорил мне спустя много лет сам Лопес, в испанских посольствах были люди, представлявшие эти регионы, и часто он обнаруживал, что они конкурировали с представителями национального правительства. Это было особенно заметно в вопросах импорта, когда они пытались перехватить товары, в которых нуждалось национальное правительство.

Каталония, родной регион Лопеса, представляла особенно серьёзную проблему. В период 1936–37 гг. она фактически вела торговлю как независимая страна. Каталонское правительство конфисковало фонды Банка Испании, находившиеся в Каталонии, и

использовало их для закупок. Лопес пытался координировать действия каталонцев с остальной частью республиканской Испании, но это было сопряжено с большими трудностями.

Ещё одной задачей Лопеса было заключение соглашений с основными торговыми партнёрами страны. Ему удалось прийти к некоторому соглашению с французами и британцами, однако переговоры с советским торговым атташе оказались малоуспешными. Этот атташе, который в действительности являлся видной фигурой в ГПУ, использовал переговоры как повод обвинить испанцев: он утверждал, что они обманывают русских и что Советский Союз продаёт Испании значительно больше, чем Испанцы должны продавать Советскому Союзу. На самом же деле русские к тому времени получили в свои руки бóльшую часть золотого запаса Испании, в результате договорённости советского атташе с министром финансов Хуаном Негрином⁸⁵.

Федерика Монсень как министр здравоохранения и социального обеспечения

Четвёртый член кабинета Ларго Кабальеро от НКТ, Федерика Монсень, возглавляла министерство, «которого не существовало». Как она отмечала в отчёте о пребывании на министерском посту, после своего ухода в отставку, «оно [министерство] было собрано из остатков – часть от труда, другая часть от внутренних дел... Вся проблема в том, что было создано Министерство здравоохранения и социального обеспечения, которого раньше не существовало»⁸⁶.

Одна была одним из министров, которые были задержаны милиционерами НКТ по пути в Валенсию, после того как кабинет принял решение покинуть Мадрид. Возможно чувствуя свою ответственность, она почти сразу же после прибытия в Валенсию вернулась в Мадрид и провела там две недели, прежде чем приступить к организации своего министерства во временной столице.

В любом случае, опыт Монсени оказался лишь немного менее разочаровывающим, чем у остальных министров от НКТ. Прежде всего, её министерство выполняло множество разнородных функций, что заставляло её обращать больше внимания на мелкие детали, чем на общеполитические вопросы. Среди задач, которые ей приходилось решать, были следующие: детские дома; приюты для бывших проституток; перепись беженцев с территорий, оккупированных Франко, и организация их размещения; создание реабилитационных центров для инвалидов войны и труда; создание домов отдыха для контуженных солдат; хранение и распределение медицинских препаратов; борьба с эпидемиями; управление гражданскими больницами.

Монсень организовала работу министерства под началом двух советов, здравоохранения и социального обеспечения, каждый из которых состоял из представителя НКТ, представителя ВСТ и генерального секретаря. В феврале 1937 г. бывший совет по делам беженцев был слит с советом социального обеспечения. Она стремилась сократить бюрократический аппарат министерства, оставив лишь то, что было абсолютно необходимо, и впоследствии отмечала:

“ «Я упразднила почти все высокие должности»⁸⁷.

Министр Монсень, по-видимому, внесла в кабинет меньше предложений, чем остальные министры НКТ. Она упоминает один из немногих проектов, для которых она смогла добиться одобрения кабинета: он предусматривал включение в структуру совета социального обеспечения всех частных благотворительных и социальных организаций в Республике⁸⁸.

Как и другие министры от НКТ, она сталкивалась с сильным сопротивлением других элементов в правительстве:

“ «У меня не было декретов для рассмотрения; мне предстояло сделать множество вещей, которые не носили политического характера, которые не ущемляли ничьих интересов, которые не преобразовывали концепцию экономики, которые не революционизировали законы или юриспруденцию Испании. И всё же, несмотря на это, моей работе систематически противодействовали. Если у меня можно было отобрать здание, его отбирали; если можно было лишиться меня права на что-либо, меня лишали; если для меня можно было создать препятствие, его создавали. Это была систематическая и постоянная оппозиция»⁸⁹.

Как и у её коллег из НКТ, у неё возникли особые проблемы с министром финансов Хуаном Негрином, который не предоставлял ей достаточных средств. К примеру, он выделил только 5 миллионов песет на нужды 1,5 миллионов беженцев:

“ «На эти пять миллионов мы должны были их заселить, накормить, создать на пустом месте организацию, включить их в местную и провинциальную жизнь...»⁹⁰ Негрин отказался даже выделить 25 тысяч франков двум делегатам её министерства, которые занимались размещением испанских детей, эвакуированных во Францию⁹¹.

У Монсень возникали проблемы и с другими недружественными министрами. Так, министр образования коммунист Хесус Эрнандес отказался предоставить школы для организованных ею объединений детских домов⁹².

Много лет спустя Федерика Монсень говорила мне, что, хотя она не смогла сделать многое как министр, она думает, что кое-что всё же было достигнуто. Она особенно отмечала совместную работу своего ведомства с военным министерством по устройству госпиталей,

проведённую ею реорганизацию системы детских домов и создание учреждений для бездомных и проституток, где им давали профессиональную подготовку и помогали найти работу⁹³.

Министры от НКТ и Ларго Кабальеро

Одним из самых примечательных аспектов участия анархистов в республиканском правительстве было укрепляющееся сотрудничество четырёх членов кабинета от НКТ с премьер-министром и несколькими социалистическими министрами и заместителями министров, верными ему. К началу 1937 г. внутри правительства обозначилось чёткое разделение на анархистов и социалистов фракции Ларго Кабальеро, с одной стороны, и коммунистов, правых социалистов и республиканцев – с другой.

С исторической точки зрения альянс между НКТ и кабальеристами мог показаться странным. Фактически с 1917 г. Ларго Кабальеро являлся ярким противником НКТ. В годы диктатуры Примо де Риверы он был членом Государственного совета, тогда как НКТ находилась в глубоком подполье. В первые два года Республики Ларго Кабальеро использовал своё положение министра труда, чтобы поощрять свой собственный Всеобщий союз трудящихся в ущерб интересам НКТ. В месяцы, предшествовавшие Гражданской войне, он, казалось, был фаворитом коммунистов, которые прозвали его «испанским Лениным».

Тяготение Ларго Кабальеро к министрам от НКТ, вероятно, в первую очередь объяснялось его растущей неприязнью как к испанским коммунистам, так и к советским военным, дипломатическим и прочим представителям, которые начали играть активную роль после его прихода к власти, одновременно с первыми поступлениями советской военной помощи. Как мы увидим далее, эта неприязнь предопределила его судьбу в качестве премьер-министра.

Хуан Гарсия Оливер в своих мемуарах затрагивает это сближение между сэнэтистами и Франсиско Ларго Кабальеро. Хотя ещё в конце 1936 г. премьер-министр в отдельных вопросах поддерживал позицию НКТ, Гарсия Оливер говорит, что он впервые заметил общее изменение курса Ларго Кабальеро на встрече с ним в самом начале 1937 г. На этой встрече обсуждалась проблема назначения политкомиссаров в народные военные школы, организованные Гарсией Оливером; подробности этого инцидента я освещал в одной из предыдущих глав. Гарсия Оливер пишет:

“ «Мы попрощались друг с другом, чувствуя симпатию, которой раньше не было. Я ощущал необыкновенное волнение, я думал, что Ларго Кабальеро показал мне начало важных изменений, выразил желание стать ближе к анархо-синдикалистам, которое подразумевало его отход от коммунистов и Советов.

Находясь под этим впечатлением, я отправился в Национальный комитет. Я рассказал Марианету [М. Васкесу], что произошло. Мы решили составить

конфиденциальную записку о мотивах сближения Ларго Кабальеро и ВСТ с нами и их отхода от Коммунистической партии и Советов. Поскольку, если бы это получило развитие, мы могли достичь эффективного профсоюзного соглашения, гарантирующего, что испанские интересы будут стоять выше иностранного вмешательства»⁹⁴.

Приблизительно в это же время Хуан Лопес наладил отношения с другими прокабальеровскими лидерами социалистами. Гарсия Оливер отмечает, что к февралю 1937 г. «Хуан Лопес, благодаря своим контактам с Барайбаром и другими социалистами-кабальеристами, имел близкое отношение к работе по сближению с Ларго Кабальеро, которую я тогда вёл»⁹⁵.

Сам Хуан Лопес рассказывал мне, что Карлос де Барайбар, получив назначение на должность замминистра обороны, стал искать сближения с ним, с целью достичь соглашения между кабальеристами и сэнэтистами. Они вместе выработали основы пакта между НКТ и ВСТ, который в конечном счёте должен был привести к объединению этих двух организаций. Кроме того, планируемое соглашение НКТ и ВСТ должно было стать противовесом соглашению, незадолго до этого заключённому между правыми элементами Социалистической партии и лидерами Коммунистической партии, с перспективой слияния двух партий. Однако детали соглашения НКТ и ВСТ не были окончательно согласованы до Майских дней 1937 г., которые ускорили падение правительства Ларго Кабальеро⁹⁶.

В феврале 1937 г. лидеры анархистов узнали о том, что Ларго Кабальеро собрал на встречу многих своих сторонников из Социалистической партии, включая Анхеля Галарсу, министра внутренних дел, Родольфо Льюписа, секретаря премьер-министра, и Карлоса де Барайбара, субсекретаря Военного министерства. Они собрались, чтобы обсудить «железное кольцо Коммунистической партии и Советов». Согласно Гарсии Оливеру, Ларго Кабальеро предполагал даже, что ему придётся уйти в отставку и его должность перейдёт к Гарсии Оливеру как «человеку, способному сдерживать коммунистов, интербригадовцев и комиссаров...» Однако сам Гарсия Оливер сомневался в том, что Ларго Кабальеро и его сторонники всерьёз рассматривали такую возможность, так как «они не посмели бы выступить против других секторов ИСРП и ВСТ»⁹⁷.

В любом случае, очевидно, что в последние четыре с половиной месяца правительства Ларго Кабальеро главными союзниками премьера, помимо сокращающейся фракции кабальеристов в Социалистической партии и ВСТ, были анархисты. После того, как его правительство было смещено, Ларго Кабальеро лично присутствовал на открытом отчёте Федерики Монсень о её пребывании в кабинете, что стало символическим подтверждением их альянса⁹⁸.

Советские предложения министрам-анархистам

В течение своего пребывания на должности министры-анархисты неоднократно ощущали на себе внимание советских представителей, стремившихся повлиять на их поведение и, возможно, даже их идеи. Много лет спустя Федерика Монсень писала Бернетту Боллотену:

«Совет, который они давали нам, всегда был один и тот же: в Испании необходимо установить “контролируемую демократию” (благозвучное обозначение диктатуры); нежелательно создавать впечатление, что здесь происходит глубокая революция; нам не следует возбуждать подозрения у демократических держав.

Я никогда не слышала от них ни слова угрозы... Когда я в январе – феврале 1937 г. уезжала в Женеву, чтобы участвовать в конгрессе по гигиене, советский посол Розенберг убеждал меня посетить Россию, говоря:

“Товарищ Сталин будет рад встретиться с вами. Приезжайте к нам, Федерика! Вам устроят королевский приём”. Русские никогда не делали конкретных предложений, которые заставили бы меня разорвать с ними отношения. Для этого они были слишком тонкими. Но несколько раз Розенберг предлагал, чтобы я отправила свою дочь в Валенсию, жить с его женой и детьми на вилле, которая была у них в предместьях. Когда я слышала эти предложения, кровь застывала в моих жилах»⁹⁹.

Посол Розенберг особенно усердно добивался дружбы с Хуаном Гарсией Оливером и по меньшей мере четыре раза устраивал для него ужины. Предмет их бесед был намного более серьёзным, чем предложения Федерике Монсень (я подробнее остановлюсь на этом позднее). Последняя из этих ночных бесед проходила накануне возвращения Розенберга в Москву, после которого ему было суждено стать жертвой сталинской чистки. Гарсия Оливер чувствовал обречённость в настроении Розенберга¹⁰⁰.

Нападки сталинистов на анархистов

Однако заигрывания советских дипломатов с министрами-анархистами вовсе не мешали сталинистам наращивать кампанию против анархистов. Разумеется, одной из причин вхождения анархистов в правительство было их желание защититься от коммунистов и их союзников, однако этот ход оказался успешным лишь отчасти.

Это ясно выразила статья в «Рабочей солидарности» от 30 апреля 1937 г.:

“Почему конфедеральная пресса вызывает к себе такую враждебность? То, что происходит с анархической и конфедеральной прессой, необъяснимо. Она преследуется и постоянно притесняется так же, как и в добрые монархические времена. Невероятно, но факт. В настоящий момент издание двух наших ежедневников приостановлено, и мы даже не знаем истинной причины этого. Эти газеты – “НКТ Севера” в Бильбао и “Мы” в Валенсии.

Чего они пытаются добиться этими запретами?.. Мы вынуждены сделать вывод, что эта пресса вызывает враждебность именно потому, что она революционна.

На митинге коммунистов говорилось о хаосе в каталонской экономике, который вызван, исключительно и непосредственно, преждевременными попытками социализации; эти слова, произнесённые одним из ведущих членов партии, которая организовала митинг, являются контрреволюционными и помогают врагу, который выжидает в засаде...»

Далее статья выступала в защиту коллективов¹⁰¹.

Очевидно, хотя время для открытого столкновения с анархистами, входившими в республиканское правительство, ещё не пришло, сталинисты и их союзники готовились к наступлению, которое было начато после Майских дней в Барселоне.

Итоги участия НКТ в правительстве Ларго Кабальеро

В то время и десятилетия спустя внутри НКТ и за её пределами велись споры о том, насколько целесообразно и эффективно было участие анархистов в республиканском правительстве. Вскоре после ухода из кабинета Хуан Лопес говорил, что при вхождении в него сэнэтисты преследовали две основных цели: образовать Народную армию, способную противостоять силам Франко; «достичь единства экономики и полностью поставить её на службу войне, чтобы выиграть её, не поставив под сомнение революционные завоевания рабочего класса». Он считал, что министры от НКТ выполнили первую задачу, но они не могли быть довольны результатами «в том, что касается единства испанской экономики, поставленной на службу войне и гарантирующей революционные завоевания пролетариата»¹⁰².

Даже Федерика Монсень, которая в эмиграции возглавляла ортодоксальную, или радикальную, фракцию испанских анархистов, оценивала участие НКТ в правительстве положительно. Она говорила мне, что иногда это участие казалось ей ошибкой, но в итоге она пришла к выводу, оно было оправданным. Она говорила, что политика НКТ – быть везде, в армии, в экономических организациях, в правительстве, безусловно, помогала продолжать войну и сохранять у людей веру в её цели¹⁰³.

Если не брать анархистов, то социалист Родольфо Льопис, генеральный секретарь правительства при Ларго Кабальеро, говорил мне, что министры от НКТ «показали себя очень хорошо». Он считал их лояльными Ларго Кабальеро, сознательными, отмечал, что они вели себя «очень по-министерски» и «вполне консервативно». Поясняя последний эпитет, Льопис сказал мне, что четыре министра-анархиста первыми предложили премьер-министру «милитаризовать» милицию, признав, что милиционные колонны не подходили для той войны, которую вела Республика¹⁰⁴.

Возможно, лучшую оценку достижениям анархистов в республиканском правительстве дал Сесар Лоренсо:

“ «Не только республиканцы, коммунисты и правые социалисты расстраивали планы НКТ – либертарики тоже расстраивали их планы; они не позволяли привести в исполнение реакционные законы и декреты. И именно эта работа по обструкции оказалась действительно положительной. Даже если они не смогли многое сделать в своих ведомствах, их вес в Совете министров был огромным. Они систематично защищали революционные завоевания пролетариата; они отклоняли все меры по возвращению его собственности бывшим финансистам и промышленникам; они не позволяли нападать на сельскохозяйственные коллективы и власть профсоюзов, на социальную демократию и рабочее самоуправление...»105

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 14:49:39

Зверобой обновил 11 мая 2025 15:02:06